
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(470+476+477)«15/17»

СТАРОДУБЩИНА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI – XVIII в.)

Е. В. ХРОЛЕНOK¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуется территория Стародубщины – региона, расположенного на белорусско-российско-украинском пограничье. На примере данного региона рассматриваются теоретико-методологические проблемы, относящиеся к изучению истории пограничного пространства. Обосновывается необходимость применения в исследовании социально-психологического подхода, а также практик новой локальной и социальной истории (через придание концепту «пограничье» характеристик, связанных с субъектом истории). Подчеркивается необходимость изучения пограничного пространства с учетом географических и временных факторов. Обозначаются географические рамки региона в период раннего Нового времени, когда Стародубщина находилась под влиянием разных центров притяжения. При этом отправной точкой каждого этапа в истории Стародубщины предлагается считать трансформации, затронувшие все сферы жизни пограничного общества. Для локализации исследуемого региона в рамках второй половины XVI в. вводится историко-географический термин «Стародубская Северщина». Особое внимание уделяется связи региона с землями Беларуси. Разрабатываются теоретические и методологические подходы к проведению исторического

Образец цитирования:

Хроленок ЕВ. Стародубщина: теоретико-методологический аспект изучения пограничного региона в период раннего Нового времени (вторая половина XVI – XVIII в.). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;3:25–32.
EDN: EUOFJN

For citation:

Khrolenok EV. Starodubshchina: theoretical and methodological aspect of studying the border region in the early Modern period (second half of the 16th – 18th centuries). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024;3: 25–32. Russian.
EDN: EUOFJN

Автор:

Евгений Валерьевич Хроленок – кандидат исторических наук; докторант кафедры истории России исторического факультета.

Author:

Evgeniy V. Khrolenok, PhD (history); doctoral student at the department of Russian history, faculty of history.
khrol83@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8059-5774>

исследования пограничных регионов. Актуальность статьи обусловлена активизацией современных интеграционных процессов.

Ключевые слова: Стародубщина; методология истории; исторические трансформации; пограничный регион; локальные общества; миграционные процессы.

**СТАРАДУБШЧЫНА:
ТЭАРЭТЫЧНА-МЕТАДАЛАГІЧНЫ АСПЕКТ
ВЫВУЧЭННЯ ПАМЕЖНАГА РЭГІЁНА
Ў ПЕРЫЯД РАННЯГА НОВАГА ЧАСУ
(ДРУГАЯ ПАЛОВА XVI – XVIII ст.)**

Я. В. ХРАЛЯНОК^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Анотацыя. Даследуецца тэрыторыя Старадубшчыны – рэгіёна, размешчанага на беларуска-расійска-ўкраінскім памежжы. На прыкладзе дадзенага рэгіёна разглядаюцца тэарэтычна-метадалагічныя праблемы, якія адносяцца да вывучэння гісторыі памежнай прасторы. Абгрунтоўваецца прымяненне ў даследаванні сацыяльна-псіхалагічнага падыходу, а таксама практык новай лакальнай і сацыяльнай гісторыі (праз наданне канцэпту «памежжа» характарыстык, звязаных з суб'ектам гісторыі). Падкрэсліваецца неабходнасць вывучэння памежнай прасторы з улікам геаграфічных і часавых фактараў. Абазначаюцца геаграфічныя рамкі рэгіёна ў перыяд ранняга Новага часу, калі Старадубшчына знаходзілася пад уплывам розных цэнтраў прыцягнення. Пры гэтым адпраўной кропкай кожнага этапу ў гісторыі Старадубшчыны прапануецца лічыць трансфармацыі, якія закранулі ўсе сферы жыцця пагранічнага грамадства. Для лакалізацыі рэгіёна ў рамках другой паловы XVI ст. уведзіцца гісторыка-геаграфічны тэрмін «Стародубская Севершчына». Асабліва ўвага надаецца сувязі рэгіёна з землямі Беларусі. Распрацоўваюцца тэарэтычныя і метадалагічныя падыходы да правядзення гістарычнага даследавання пагранічных рэгіёнаў. Актуальнасць артыкула абумоўлена актывізацыяй сучасных інтэграцыйных працэсаў.

Ключавыя словы: Старадубшчына; метадалогія гісторыі; гістарычныя трансфармацыі; памежны рэгіён; лакальныя супольнасці; міграцыйныя працэсы.

**STARODUBSHCHINA:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT
OF STUDYING THE BORDER REGION
IN THE EARLY MODERN PERIOD
(SECOND HALF OF THE 16th – 18th CENTURIES)**

E. V. KHROLENOK^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The territory of Starodubshchina, a region located in the Belarusian-Russian-Ukrainian border area, is being investigated. Using the example of this region, theoretical and methodological problems related to the study of the history of the border area are considered. The necessity of applying a socio-psychological approach in the study, as well as the practices of a new local and social history (by giving the concept of «borderland» characteristics associated with the subject of history), is substantiated. The necessity of studying the boundary space, taking into account geographical and temporal factors, is emphasised. The geographical scope of the region was indicated during the early Modern period, when Starodubshchina was under the influence of different centres of gravity. At the same time, it is proposed to consider transformations affecting all spheres of life of the border society as the point of report of each of the stages of the stage in the history of the region. To localise the studied region in the second half of the 16th century, the historical and geographical term «Starodubskaya Severshchyna» is introduced. Special attention is paid to the connection of the region with the lands of Belarus. Theoretical and methodological approaches to conducting historical research on border regions are being developed. The relevance of the article is due to the activation of modern integration processes.

Keywords: Starodubshchina; methodology of history; historical transformations; border region; local societies; migration processes.

Введение

Одним из наиболее важных направлений советской историографии выступал поиск новых подходов к изучению истории. Своеобразный методологический плюрализм обусловил необходимость адаптации западноевропейских и американских исследовательских практик к отечественной историографии. В значительной мере эта тенденция повлияла на проведение региональных исследований, среди которых выделяются работы, посвященные локальным пространствам на границе нескольких государств. Использование междисциплинарных методов позволило значительно повысить уровень подобных исследований.

В настоящее время пограничные регионы все чаще становятся объектом исторического изучения. Начало же таких исследований было положено в конце XIX в. Ф. Ратцелем¹. Его идеи получили развитие в трудах Ф. Тернера [1] и К. Хаусхофера [2].

В 1893 г. Ф. Тернер ввел в научный оборот термин «фронтир». Ученый понимал под ним границу между освоенными и неосвоенными землями. С помощью фронтирной теории Ф. Тернер объяснял формирование культурного феномена американской нации, связывая ее развитие с воображаемой границей, сдвигающейся на запад североамериканского материка по мере освоения территорий [1, с. 7, 14]. Фронтирная теория применялась при исследовании истории США, Австралии, Канады и даже при освоении Сибири Российским государством.

В российской историографии своеобразной альтернативой понятию «фронтир» стало понятие «колонизация», введенное В. О. Ключевским. Он считал колонизацию важнейшим фактором исторического развития Российского государства². При этом если Ф. Тернер представлял фронтирный фактор как положительную предпосылку становления национальных черт американцев, связанную с необходимостью покорения автохтонного населения, то российские историки конца XIX в., как справедливо отмечает В. И. Маслак, наоборот, видели отрицательные черты в столкновениях с представителями народов, находившихся по другую сторону воображаемой границы [3, с. 297].

В советской историографии концепт «фронтир» оказался невостребованным. Интерес к нему появился лишь в конце XX в. С помощью фронтирной теории российские и украинские историки проводили исследования, связанные с освоением Сибири и Дикого поля. Несмотря на гибкость понятия, его применение в отношении белорусских и сопредельных с ними регионов представляется не совсем верным. Разные подходы к концептуализации фронта указывают на его обязательные признаки: отсутствие четких государственных границ, наличие на сопредельной

территории автохтонного населения, находящегося на ином уровне цивилизационного развития, колониальный статус осваиваемой территории.

Близким, но не тождественным фронтиру понятием является пограничье. Важность его изучения впервые подчеркнул К. Хаусхофер [2, с. 28]. Сегодня пограничье можно охарактеризовать как локальное пространство, население которого является субъектом национальной истории двух и более государств, а политические, экономические и культурные отношения в таком обществе определяются наличием границы.

Примером подобного локального пространства выступает Стародубщина – уникальный регион, находящийся на белорусско-российско-украинском пограничье. История края неразрывно связана с историей Беларуси, России и Украины. Так, г. Стародуб вошел в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ) в третьей четверти XIV в., став центром одноименного княжества. С указанного времени можно говорить о начале колонизации региона предками современных белорусов. При этом до начала XVI в. Стародубское княжество находилось вдалеке от границ государства, а его территория была еще слабозаселенной. Новый этап в истории региона наступил в 1503 г., когда Стародубщина была включена в состав российских земель. С этого момента край становится пограничьем.

На протяжении XVI – первой половины XVII в. за контроль над регионом шла борьба между ВКЛ и Российским государством. С середины XVII в. к этому противостоянию присоединилась Гетманщина. Последняя являлась автономией в составе Российского государства, но на данном этапе еще старалась проводить самостоятельную политику. Каждая из противоборствующих сторон прикладывала усилия для колонизации региона. Территория Стародубщины стала контактной зоной, где шли процессы особого культурного и социального взаимодействия. Сегодня местное население выступает субъектом сразу трех национальных историй.

Территория исторической Стародубщины, состоящая из четырех северных уездов Черниговской губернии, 1 января 1919 г. была включена в ССРБ как часть Могилёвской губернии. Тогда она была заселена преимущественно белорусами. Стародубщина находилась в составе Могилёвской губернии, а затем и созданной на ее основе Гомельской губернии и после переподчинения РСФСР. Следовательно, на тот момент связь г. Стародуба с г. Гомелем признавалась большей, чем с г. Брянском. Данные выводы основывались на трудах историков, этнографов и филологов того времени. Однако с упразднением в 1926 г. Гомельской губернии, когда ее большая

¹Ратцель Ф. Народоведение. СПб. : Просвещение, 1904. XVIII, 764 с.

²Ключевский В. О. Лекции по русской истории. Ч. 1. СПб. : Тип. В. О. Киршбаума, 1902. 389, III с.

часть была передана в состав БССР, а Стародубщина включена в Брянскую губернию РСФСР, можно говорить о появлении так называемой фантомной границы. Последняя разделяла разное в культурном и этническом аспектах население Брянской области. Таким образом, история Стародубщины неразрывно связана с историей белорусской государственности, поэтому ее изучение представляется необходимым.

В отечественной историографии есть работы, раскрывающие положение Стародубщины во времена,

предшествующие исследуемому периоду. Среди них необходимо выделить монографии В. Н. Темушева [4] и А. А. Метельского [5]. Данные работы посвящены Гомельской и Мстиславской землям соответственно. Эволюция сословной структуры Стародубского полка проанализирована в работе Е. В. Хроленка³. При этом комплексные исследования, охватывающие весь период существования Стародубщины в качестве пограничного пространства, до сих пор не проводились.

Методология исследования

Определение объекта исследования является одной из методологических проблем при изучении пограничья. Актуальным нам представляется подход, предложенный С. В. Коч [6, с. 462–463]. Его применение позволяет определить в качестве объекта анализа саму территорию Стародубщины как пространство особого культурного, экономического и политического взаимодействия, имеющее несколько центров притяжения (ВКЛ, Российское государство и Гетманщину). При этом каждый из них формировал свои сферы влияния, которые при наложении создали уникальные черты данного пограничного региона. Принадлежность же Стародубщины к тому или иному государству на разных исторических этапах была обусловлена успехами освоения данной территории.

Определение в качестве объекта исследования территории пограничного региона подразумевает и обозначение его места в системе государства. Взаимоотношения между центром притяжения и локальным пространством следует рассматривать через их встраивание в систему центр-периферийных отношений. При этом пограничье нельзя охарактеризовать как периферию. Сложность обусловлена тем, что обязательным обстоятельством, которое необходимо учитывать в исследовании пограничья, выступает возможность не только изменения центра притяжения на разных исторических этапах, но и наличия нескольких таких центров одновременно. Кроме того, особенность пограничных территорий состоит в том, что они могут выступать центром региона, обладающего собственной идентичностью.

Нельзя не согласиться с мнением И. Р. Чикаловой о том, что объектом исследований должен быть

не только феномен пограничья, но и человек, проживающий в этой местности [7, с. 174–175]. В таком случае наряду с методологией изучения пограничья необходимо задействовать достижения новой локальной и социальной истории. Субъектами исторических процессов будут выступать индивид и локальные сообщества, а методом анализа станет история «снизу вверх». Изучение последней, как отмечают С. И. Маловичко и Т. А. Булыгина, предполагает анализ особенностей социокультурных обществ через историю отдельных личностей с одновременным изучением изменений структуры и форм локального пространства [8, с. 10]. Таким образом, построение исследования в соответствии с практиками современной исторической науки позволяет рассмотреть пограничный регион как единую систему, основанную на взаимоотношениях индивидов, поведение которых определяется наличием границы. Данные взаимоотношения являются всепроникающими, т. е. затрагивают все сферы жизни локального общества. Следовательно, изучение истории региона должно носить тотальный характер и предполагать рассмотрение всех активностей локального социума в целом и человека, проживающего в пограничье, в частности в конкретный период XVI–XVIII вв. При этом региональная история не может быть проанализирована в отрыве от национальной истории, но она должна выступать ее неотъемлемой составляющей. Феноменом же пограничных регионов является то, что их локальная история представляет собой важнейшую часть национальной истории всех государств-соседей (в случае Стародубщины – Беларуси, России и Украины).

Результаты и их обсуждение

После 1503 г. территория Стародубщины не вошла в состав ВКЛ (за исключением 1618–1654 гг.). Однако, как уже было отмечено, в 1919 г. регион был включен в состав ССРБ как территория с преобладающим белорусским населением. Без сомнения, в основе такого решения лежали тезисы из работ

Е. Ф. Карского⁴, М. Н. Косич⁵, а также других известных ученых. М. Н. Косич сама являлась уроженкой Стародубщины. В работе «Литвины-белорусы Черниговской губернии. Их быт и песни» она отмечает, что территория «хоть и причисляется к Малороссии, но в настоящее время во всех ее северных уездах живут

³Хроленок Е. В. Эволюция сословной структуры Стародубского полка (середина XVII – XVIII в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Минск : БГУ, 2022. 24 с.

⁴Этнографическая карта белорусского племени / сост. Е. Ф. Карский. Петроград : Рос. акад. наук, 1917. С. 16.

⁵Косич М. Н. Литвины-белорусы Черниговской губернии. Их быт и песни. СПб. : Тип. кн. В. П. Мещерского, 1902. 128, 23 с.

так называемые литвины и говорят по-белорусски»⁶. Интересный взгляд на этническую составляющую Стародубщины был высказан при описании населения Суражского уезда в материалах для оценки земельных угодий, собранных статистическим отделом при Черниговской губернской земской управе: «...только козаки, как коренные жители, представляли из себя чистый тип малоруссов, сохранившийся отчасти и доныне. Преобладающий тип суражского крестьянина все-таки тип белорусский»⁷ (здесь и далее текст приводится с сохранением языковых особенностей оригинала). Таким образом, автохтонным населением здесь названы украинцы, а колонистами – белорусы. Развивая данный тезис, можно представить, что малозаселенная Стародубщина, где в 1654 г. проживали исключительно казаки, за последующие два столетия была колонизирована белорусскими крестьянами. В таком случае и включение региона в состав ССРБ кажется абсолютно логичным итогом. Однако подобный подход выглядит весьма упрощенным.

Очевидно, что этнический состав региона напрямую зависел от самовосприятия местного населения. В связи с этим полагаем, что для эффективного исторического исследования Стародубщины необходимо применить социально-психологический подход, позволяющий учесть самоидентификацию жителей региона и отождествление ими государственной и этнической принадлежности населения данной территории на разных исторических этапах. В соответствии с указанным подходом анализ архивных документов дает возможность проследить эволюцию отношения местного населения к центральной власти и региональным элитам, которое изменялось в зависимости не только от государственной принадлежности локального пространства, но и от трансформации центр-периферийных взаимоотношений. Таким образом, при использовании социально-психологического подхода ключевыми категориями выступают хронология и пространство, которые позволяют определить границы территории в восприятии местными жителями в разные исторические периоды, оценить степень самостоятельности г. Стародуба как регионального центра во взаимоотношениях с центральными властями, а также проследить процессы генезиса, эволюции и размывания местной специфики в результате таких взаимоотношений.

Представляется, что хронологические рамки исследования должны охватывать период со второй половины XVI до XVIII в., который и является периодом существования Стародубщины в качестве пограничного региона с присущими только ему чертами. При этом на протяжении всего исследуемого времени на Стародубщине произошел ряд трансформаций как социального, так и военного и административ-

ного характера. Данные трансформации выступают точками отсчета каждого нового исторического этапа в истории региона. К властным и военно-административным отношениям можно применить определение, предложенное А. Г. Кохановским в отношении термина «социальные трансформации»: наиболее глубокий тип изменений в обществе, которые затрагивают все его стороны и связи [9, с. 3]. В соответствии с данным подходом можно выделить три исторических этапа в рамках исследуемого периода.

Первый этап начинается в середине XVI в., когда устанавливаются границы между ВКЛ и Российским государством в регионе и происходит оформление Стародубского уезда. Этот период характеризуется зарождением служилых корпораций и утверждением в их числе казаков, появление которых было обусловлено включением в 1575 г. города в систему окраинных укреплений Российского государства. Однако уже в 1618 г. происходит первая крупная трансформация в регионе, связанная с возвращением Стародубщины в состав ВКЛ, где г. Стародуб становится центром одноименного повета Смоленского воеводства. Так, уже на этом этапе проявляются разное отношение жителей региона к происходящим событиям и отождествление себя и своей земли с тем или иным государством. Так, Деулинское перемирие 1618 г. и Поляновский мир 1634 г. разделили детей боярских, из которых одна часть покинула регион, а другая часть вошла в состав стародубской шляхты. Использование же новой администрацией казаков для охраны северских замков и вовсе привело к столкновению разнонаправленных казачьих формирований во время смоленской войны 1632–1634 гг.

Начало второго этапа в 1654 г. обусловлено следующими крупными изменениями в жизни региона, выразившимися в установлении на Стародубщине казачьего управления и образовании на ее территории Стародубского полка – военно-административной единицы в составе Гетманщины. Из малочисленной служилой корпорации казачество превращается в основную движущую силу региона. В связи с этим данный период характеризуется практически полным уничтожением существовавшего ранее уклада жизни, построением нового общества, новой военной и административной системы. Особенности указанного этапа следует признать высокую милитаризацию общества, социальную мобильность, становление и дальнейшее возвышение новых локальных элит. В этот же период формируется восприятие жителями Стародубщины своей истории. Так, к началу XVIII в. принадлежность региона в прошлом к разным государствам они описывают следующим образом: «...лядской за боярской державой», а ранее «от ста лет и больш прежде боярской за лядской

⁶Косич М. Н. Литвины-белорусы ... С. 1.

⁷Материалы для оценки земельных угодий, собранные экспедиционным способом статистическим отделом при Черниговской губернской земской управе : в 15 т. Т. 9. Суражский уезд. Чернигов : Чернигов. зем. тип., 1883. С. 7.

еще державы»⁸. На данном этапе основным центром притяжения Стародубщины становится Гетманщина, которая в сознании жителей региона противопоставляется г. Вильно и г. Москве. При этом местную специфику все еще дополняет связь региона с ВКЛ: распространенным среди старшины является польский язык, платежным средством по-прежнему служат литовские гроши, единицы меры площади земельных наделов также тождественны единицам, используемым в ВКЛ.

Третий этап начался в 1764 г. Его выделение обусловлено глубокими реформами, проведенными российским правительством. В это время произошло окончательное упразднение института гетманства на Левобережной Украине. Вслед за передачей управления Малороссийской коллегии и учреждением Малороссийского генерал-губернаторства отношение центральной власти к решению региональных вопросов коренным образом изменилось. Административное деление, военная и сословная организация на Стародубщине были ориентированы на путь унификации согласно общероссийским нормам. Проведенные на территории Левобережной Украины в 1780–90-х гг. реформы: отмена полкового деления и учреждение губерний, упразднение казачьего войска и введение рекрутской повинности, распространение крепостного права – совпали с важными геополитическими событиями в Восточной Европе. Разделы Речи Посполитой и покорение Российским государством Крымского ханства привели к утрате Стародубщиной статуса пограничного региона.

Край, являясь частью Черниговской губернии, еще долго сохранял свою специфику. Так, близость к неспокойной территории царства Польского и войны со странами Западной Европы вынуждали российское правительство неоднократно прибегать к помощи казачьих войск, собранных в регионе по сословному принципу, вплоть до 1864 г. Само же социальное положение стародубских казаков неоднократно подвергалось пересмотру и окончательно было оформлено только в 1835 г., с принятием новой редакции устава об управлении малороссийскими казаками. Начавшийся еще в 1760-х гг. процесс интеграции казачьей старшины в российское дворянство завершился лишь к 1839 г., равно как и использование Статута ВКЛ в качестве основного источника права было отменено только в 1843 г. Малороссийское генерал-губернаторство было окончательно упразднено в 1856 г. Следовательно, говорить о полном исчезновении специфических черт пограничного региона можно лишь с началом реформ императора Александра II (вторая половина XIX в.).

Таким образом, если ограничивать исследование хронологическими рамками со второй половины XVI до XVIII в., предшествующие события необходимо рассматривать как предпосылки для форми-

рования особого пространства, а события первой половины XIX в. – как последствия его существования.

Географические же рамки исследования находятся в непосредственной связи с его объектом. Так, если мы определяем регион в качестве пространства особого взаимодействия, то именно такой территорией он и должен ограничиваться. При этом понятие «Стародубщина» может употребляться применительно к землям Стародубского, Мглинского, Новозыбковского и Суражского уездов. Данные территории находились в административном подчинении г. Стародуба еще с XVI в. и были выведены из состава Черниговской губернии в 1919 г., а затем присоединены сначала к Могилевской, затем к Гомельской, а позже к Брянской губернии. Таким образом, исследование в указанных географических рамках является наиболее актуальным в отношении и белорусской истории.

Однако устанавливать географические пределы регионального исследования в соответствии с административными границами представляется неверным. Необходимо исходить прежде всего из общих культурных, социальных и экономических моделей, позволяющих рассмотреть регион как единый организм без учета искусственно созданных барьеров.

В то время на обозначенных нами исторических этапах границы региона, центром которого являлся г. Стародуб, были разными. Для определения географических пределов изучаемого локального пространства на первоначальном этапе следует ввести историко-географическое понятие «Стародубская Северщина». Данная необходимость обусловлена отсутствием в историографии утвердившегося обозначения исследуемой территории в данный период. Так, Стародубское княжество просуществовало до 1518 г. Затем его земли были разделены на уезды. Таким способом Российское государство изменило систему центр-периферийных отношений с регионом, превратив столицу княжества в обычный уездный город. С этого времени Стародубщина представляет собой лишь территорию в границах одноименного уезда. Однако сам г. Стародуб продолжает оставаться локальным центром, распространяя свое влияние на земли всего упраздненного княжества. В то же время для обозначения этой обширной территории не подходит и более широкое понятие «Северщина», поскольку оно употребляется по отношению также к областям, центрами которых являлись города Чернигов, Переяславль, Путивль и другие населенные пункты, развивавшиеся по совершенно иному пути.

В первой половине XVI в. Стародубская Северщина представляла собой значительную по размеру территорию между р. Десной и р. Сож. В 1537 г. Гомель был возвращен в состав ВКЛ. С этого времени Стародубскую Северщину следует рассматривать уже как трансграничный регион – относительно целостную природную и социальную систему, состоящую

⁸Центр. гос. ист. арх. Украины в г. Киеве. Ф. 208. Оп. 1. Д. 26. Л. 1 об.

из двух взаимосвязанных приграничных территорий и являющуюся сферой интересов соседних государств. В данных условиях граница между ВКЛ и Российским государством в результате военных конфликтов подвергалась постоянному пересмотру. Окончательным оформлением разделения можно считать Вечный мир 1686 г. С этого момента следует говорить о существовании двух пограничных регионов – Стародубщины и Гомельщины, пути развития которых уже были различными. Кроме того, необходимо учитывать, что на начальном этапе исследования г. Стародуб выступает центром одноименного уезда в составе Российского государства, а затем повета ВКЛ. В его административном подчинении, помимо исторических территорий, в разное время находились города Трубчевск, Лоев и Любеч с волостями, а также часть Чечерской волости. С образованием Стародубского полка власть местных полковников распространилась на города Погар и Новгород-Северский. С конца XVIII в., а именно с 1782 г., г. Стародуб оставался лишь административным центром одноименного уезда, но, как уже отмечалось, рассматривать происходившие в данный период события невозможно в отрыве от остальных территорий исторической Стародубщины.

Кроме того, в исследовании истории пограничья необходимо учитывать последствия такого явления, как миграция населения. Граница не только выступает разделяющим фактором, но и оказывает значительное влияние на происходящие в пограничье процессы. Культурный, языковой и технологический обмен способствует возникновению в пограничных регионах специфических социальных групп, властных структур, направлений экономической деятельности, диалектов. Ярким проявлением такой тен-

денции может служить образование на территории Стародубского полка таких сословных микрогрупп, как пороховники и рудники. Их представители, в абсолютном большинстве потомки выходцев с территории современной Беларуси, были носителями специфических знаний и умений (производство пороха и добыча руды). В то же время переселение на Стародубщину старообрядцев с территории Великороссии способствовало развитию торговли. Раскольники, не имея возможности в полном объеме заниматься земледелием ввиду ограниченного количества плодородных почв, внесли весомый вклад в становление г. Стародуба как крупного торгового центра.

Разделение в 1686 г. Стародубской Северщины на два пограничных региона не остановило миграционные процессы между ее частями, продолжавшиеся до конца XVIII в. При этом переселялись не только наименее защищенные слои населения (крестьяне и мещане), но и казаки, панцирные бояре и даже шляхта. Причинами миграции были военные конфликты, стихийные бедствия, неурожаи, притеснения крупных землевладельцев и т. д. Так, заселение северо-западной части Стародубщины, без сомнения, связано с событиями, происходившими в 1730–40-х гг. в Кричевском старостве. При этом необходимо подчеркнуть, что если вопросы бегства белорусских крестьян на территорию Стародубщины еще отмечены историками, то вопрос обратной миграции упоминается лишь эпизодически. Наш взгляд, данный факт – серьезное упущение, равно как и то, что влияние белорусских мигрантов на процессы, происходящие в Стародубщине, является общеизвестным, тогда как степень вовлеченности стародубцев в функционирование социальных систем сопредельных белорусских регионов еще предстоит выяснить.

Заключение

При рассмотрении основных методологических проблем, которые возникают при исследовании того или иного пограничного региона, удалось выяснить, что особое внимание необходимо уделить объекту изучения. Установление хронологических рамок и географических пределов в соответствии с объектом анализа позволит реконструировать историю такого региона с учетом влияния, которое оказывали на пограничное пространство центры притяжения в разные периоды времени. Кроме того, исследование пограничной территории важно проводить с опорой на практики новой социальной и локальной истории, так как основным субъектом региональной истории выступает население соответствующего локального пространства, включающее в себя специфические

сословные группы и общности, поведение которых определяется наличием границы. Таким образом, рассмотрение факторов, повлиявших на процессы в таком регионе, как Стародубщина, позволяет иначе взглянуть на перспективу изучения пограничья. Особенно она становится ясна в свете современной глобализации. С распадом СССР Стародубщина вновь обрела статус пограничного региона. Ее части оказались в составе России, Беларуси и Украины. Если долгое время события, происходившие на пограничье, являлись поводом для взаимных претензий и обид, то сегодня можно рассматривать их как фактор, способствующий усилению интеграционных процессов, а сам пограничный регион – как территорию культурного перехода от одного близкородственного народа к другому.

Библиографические ссылки

1. Тернер Ф. *Фронтир в американской истории*. Петренко АИ, переводчик; Согрин ВВ, редактор. Москва: Весь мир; 2009. 303 с.
2. Хаусхофер К. *О геополитике. Работы разных лет*. Усачев ИГ, переводчик. Москва: Мысль; 2001. 426 с.

3. Маслак ВІ. Опцыя степнага фронтира Еўропы в савременном русскай і украінскай казакаведзенні. *Російскі гуманітарны журнал*. 2014;3(4):297–306. DOI: 10.15643/libartus-2014.4.8.
4. Темушев ВН. *Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в.: территориальные трансформации в пограничном регионе*. Москва: Квадрига; 2009. 192 с.
5. Мясельскі АА. *Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII–XVIII стст.* Мінск: Беларуская навука; 2014. 664 с.
6. Коч СВ. Методологічныя праблемы лакальна-рэгіянальных і прыгранічных даследаванняў. *Держава і право. Юрыдычны і палітычны навуки*. 2013;61:460–467.
7. Чикалова ІР. Концепты «франтэр» – «граніца» – «пагранічье» в ісследавальскім арсенале ўчэных-гуманітарнаў. В: Яноўская ВВ, укладальнік; Даніловіч ВВ, рэдактар. *Метадалогія даследавання гісторыі Беларусі: праблемы, дасягненні, перспектывы*. Мінск: Беларуская навука; 2018. с. 171–180.
8. Маловічкі СІ, Булыгіна ТА. Современная историческая наука и изучение локальной истории. *Новая локальная история*. 2003;1:6–22.
9. Кахановіскі АГ. *Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.)*. Мінск: БДУ; 2013. 335 с.

References

1. Turner F. *Frontir v amerikanskoj istorii* [The frontier in American history]. Petrenko AI, translator; Sogrin VV, editor. Moscow: Ves' mir; 2009. 303 p. Russian.
2. Haushofer K. *O geopolitike. Raboty raznykh let* [About geopolitics. Works from different years]. Usachev IG, translator. Moscow: Mysl'; 2001. 426 p. Russian.
3. Maslak VI. Option of the European steppe frontier in modern Russian and Ukrainian cossacks studies. *Liberal Arts in Russia*. 2014;3(4):297–306. Russian. DOI: 10.15643/libartus-2014.4.8.
4. Temushev VN. *Gomel'skaya zemlya v kontse XV – pervoi polovine XVI v.: territorial'nye transformatsii v pogranichnom regione* [Gomiel land at the end of the 15th – first half of the 16th century: territorial transformations in the border region]. Moscow: Kvadriga; 2009; 192 p. Russian.
5. Mjaceł'ski AA. *Mscislawskae knjastva i vajavodstva w XII–XVIII stst.* [Mstislav principality and voivodeship in the 12th–18th centuries]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2014. 664 p. Belarusian.
6. Koch SV. The methodological problems of local-regional and borderland research. *Derzhava i pravo. Jurydychni i politychni nauky*. 2013;61:460–467. Russian.
7. Chikalova IR. [The concepts «frontier» – «border» – «borderland» in the research arsenal of humanities scientists]. In: Janowska VV, compiler; Danilovich VV, editor. *Metadalogija dasledavannja gistoryi Belarusi: prablemy, dasjagnenni, perspektivy* [Methodology of research on the history of Belarus: problems, achievements, prospects]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018. p. 171–180. Russian.
8. Malovichko SI, Bulygina TA. [Modern historical science and the study of local history]. *Novaya lokal'naya istoriya*. 2003; 1:6–22. Russian.
9. Kakhanouski AG. *Satsyyal'naya transformatsyya belaruskaga gramadstva (1861–1914 gg.)* [Social transformation of Belarusian society (1861–1914)]. Minsk: Belarusian State University; 2013. 335 p. Belarusian.

Получена 28.02.2024 / исправлена 28.06.2024 / принята 02.07.2024.
Received 28.02.2024 / revised 28.06.2024 / accepted 02.07.2024.